

Евгений Деменок

Ильф и Петров в стране Швейка

Тому, кто родился и вырос в Одессе, трудно избежать влияния великих одесситов. Да и зачем, собственно, его избегать? Этим влиянием лучше наслаждаться.

Илью Ильфа и Евгения Петрова великими одесситами назвать можно без сомнения, и под влияние их я попал очень быстро. Начал с того, что жил на улице их имени. Вдвойне интересно читать Ильфа и Петрова, сидя на балконе дома по улице Ильфа и Петрова. С нашего девятого этажа было видно море, в котором где-то далеко белел одинокий парус. Он напоминал мне Валентина Катаева, подкинувшего брату и другу идею романа о сокровищах, спрятанных в стуле, и затем спокойно уехавшего в Батум, никак не ожидая, что его «литературные негры» напишут гениальный роман. Ученики превзошли своего учителя.

Мне посчастливилось быть знакомым с «дочерью Ильфа и Петрова» Александрой Ильиничной Ильф. Хорошая, умная и в высшей степени интеллигентная женщина, она снисходительно читала мои первые опусы и даже хвалила их, что безмерно меня радовало. Благодаря самоотверженной работе Александры Ильиничны над архивами отца мы можем сегодня познакомиться не только с полной версией двух гениальных романов, но и с не опубликованными ранее записными книжками, и увидеть настоящего Ильфа – человека, которому были присущи в том числе и слабости, и сомнения. А еще можем узнать правду о людях, которые Ильфа окружали, и о местах, в которых он побывал. Например, можем узнать о том, что неразлучные соавторы Ильф и Петров по пути во французский Гавр, где их ждал пароход «Нормандия», отправляющийся в Америку, побывали в Праге. Варшава, Прага, Вена

и Париж были остановками на пути к «Одноэтажной Америке», но в самой книге упоминания об этих остановках нет. Разве что фраза Ильфа в письме жене Марии Николаевне Тарасенко, написанном прямо на пароходе: «Ем не очень много, в меру, сплю, вообще отдыхаю после беготни по Праге и Вене. В Париже я не бегал».

Значит, по Праге бегал... Интересно, где? Ответить на этот вопрос нам как раз и помогут дневники Ильфа, из которых мы можем узнать массу любопытных подробностей.

Ведение дневника – прекрасная привычка. Илья Ильф считал это очень важным. Борис Галанов в своей книге «Илья Ильф и Евгений Петров» писал:

«Записная книжка была постоянным спутником Ильфа. Он часто говорил Петрову:

– Обязательно записывайте, – все проходит, все забывается. Я понимаю – записывать не хочется, хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

А вот что писал сам Ильф в своем дневнике: «Если не записывать каждый день, что видел, даже два раза в день, то все к черту вылетит из головы, никогда потом не вспомнишь».

Что же записал он о посещении Праги?

Я буду цитировать в дальнейшем «Записные книжки» Ильи Ильфа (1925-1937), составленные его дочерью Александрой Ильиничной, а пока – несколько деталей путешествия.

Собираясь в поездку, Ильф записывал нужные адреса и телефоны в разных городах и странах. В числе первых записей – адрес посольства Чехословакии в Москве: Малый Харитоньевский переулок, 10. Им с Петровым нужно было получить транзитные визы.

Путешествие началось утром 19 сентября. На следующее утро соавторы оказались в Минске, а вечером уже в Варшаве. Они были там два дня, и 22 сентября 1935 года Ильф записал: «Уезжаем на вокзал и в 5 часов 15 минут в карлсбадском вагоне уезжаем в Прагу».

Записи о посещении в Праге датированы 23 и 24-м сентября.

23 сентября Илья Ильф записал: «Мчались всю ночь с громадной быстротой, но все-таки опоздали на полчаса и в Прагу приехали в 7 часов утра. Обменяли деньги в бюро де шанж (бюро обмена валют. – **Прим. автора**), за 10 долларов дали 235 крон. Сдали чемоданы в камеру хранения, умылись и побрились (здесь

мажут холодной водой, пальцем растирают мыло по лицу и после бритья смывают мокрой губкой) и зашли в вокзальный ресторан поесть сосисок. Но сосисок нам не дали – не поняли, пили кофе с рогаликами и маслом. Из окна виден перекресток. Поразительная картина движения на работу. Апогей – без четверти восемь, без 2-х минут уже тише, а ровно в 8 улица опустела. Напротив магазин платья – детское, дамское, паньске.

Вокзал со статуей сидящего Масарика.

Утром у Туманова.

Поездка с ним.

Американский буфет.

Возвращение.

Знакомство с С. С.

Поездка к «У Шутеры».

Цеховые дворы.

Часы Апостолов.

Венеция и владычество янычар.

Синагога.

Две подписи.

Терраса в Баррандов.

Снова возвращение.

Вечер «У Флеку».

Завтра в 6.25 с вокзала Вильсона уезжаем в Вену».

«Шофер вместо полпредства повез нас в отель «Амбассад».

С трудом распутали эту ошибку с помощью двух полицейских.

Приехали на Дудлевскую улицу в очень опрятный особняк и после разговора с чешкой и Касимовым попали к Туманову, с коим оказались уже знакомы по Спиридоньевке 17 (адрес московского особняка, где с 1932 года жил Максим Горький. – **Прим. автора**). Жена его – нервическая особа. Выехали на «форд-люксе» и ездили с тысячей приключений».

24 сентября, уже будучи в Вене, Ильф еще раз описывает в дневнике события вчерашнего дня:

«Прага. Вернулись в полпредство, съев сосисок в американском буфете, самом не-пражском месте Праги. Оказалось, что здесь Десяткин с женой, которых видел в Греции (осенью 1933-го и в начале 1934-го Ильф и Петров путешествовали по Европе, они

побывали в Стамбуле, Афинах, Неаполе, Риме, Венеции и Вене, а на обратном пути заехали в Варшаву. – **Прим. автора**). Коммунальные отношения по поводу уплотнения. Нас приглашает к себе Сергей Сергеевич, знакомит с женой Кларой Давыдовной (парик маркизы) и предлагает большую программу – обедать «У Шутеры», потом смотреть город, ужинать «У Флеку». Снова мы выезжаем с Дудлевской».

Сергей Сергеевич Александровский был в то время полпредом СССР в Чехословакии. Судьба его похожа на судьбы многих кадровых революционеров – несколько арестов в начале 1900-х, побег в Германию, после революции карьерный взлет – до Чехословакии он был сотрудником полпредства в Германии. В Прагу семья Александровских переехала в июле 1933 года. Именно Сергей Сергеевич от имени Советского Союза подписал с Эдвардом Бенешем в 1935 году Советско-Чехословацкий договор о взаимной помощи. Далее – падение. В 1938-м внезапный отзыв в Москву, в «резерв» Наркоминдел. В первые дни войны Александровский пошел добровольцем на фронт, попал в плен, в немецкий концлагерь в Борисове под Минском, бежал, в 1943 году арестован и в августе 1945 года расстрелян по приговору Особого совещания при НКВД СССР как немецкий шпион. Как обычно, родные не знали ни о приговоре, ни о месте погребения мужа и отца. Революция пожирает своих детей.

Жена и сын Сергея Сергеевича в 1945 году также были приговорены к бессрочной ссылке как члены семьи изменника Родины («чесэиры»), до своей реабилитации в 1956 году они жили в Енисейске. Судьба «чесэиров» зависела от «признательных» показаний отца; но Александровский не признал свою вину даже на допросах у Берии.

Наблюдательный Ильф не преминул отметить необычную прическу Клары Давыдовны – она действительно похожа на парик маркизы. Клара Давыдовна Спиваковская была и сама необычной личностью – примадонна Венской оперы, она пела вместе с Энрико Карузо. Блестящая карьера, прекрасная семья – и затем четыре пересыльные тюрьмы, ссылка, инвалидность... Клара Давыдовна умерла в 1963 году в Москве.

А тогда, в 1935-м, все еще было хорошо. Сергей Сергеевич Александровский был настолько известной и уважаемой в Праге

Староновая синагога в Праге, куда заходили Ильф и Петров

личностью, что его даже попросили оставить автограф в книге почетных посетителей Староновой синагоги. Об этом мы можем прочесть в дневнике Ильфа – рядом с описанием красавицы-Праги:

«Тесный, красивый, романтический и очень в то же время современный город. По порядку. Мы смотрели так – цеховые дворы, часы на ратуше (золотая смерть тянет за веревку, часы бьют четыре), толпа на тротуаре напротив, пражская Венеция с моста Карла Четвертого (золотой Христос с еврейскими буквами и владычество янычар), синагога готическая, здесь Сергея Сергеевича заставили расписаться в книге почетных посетителей, его подпись шла сейчас же за подписью Ротшильда, потом поехали на Злату улочку в Далиборку, казематы вроде казематов Семибашенного замка в Стамбуле.

Раньше этого обед «У Шутеры». Моравские колбаски, жаренные на решетке, вино «Бычья кровь» в кувшинчиках по четверть литра, фронское вино и кофе в толстых чашках.

«У Флеку»

Ужин «У Флеку» в старом монастыре. Все это очень похоже на немецкие годы импрессионизма. До этого пили кофе на террасе Баррандова. Ужасные мысли о войне.

«Ресторашка», «Зайдем в ресторашку».

Ночевали в консульстве среди металлической мебели на сверхъестественных постелях.

Уехали в Вену в 6.25 минут с вокзала Вильсона».

24 сентября Ильф записал в своем дневнике:

«Топичек – жаренный в масле и чесноке хлеб, коленка свиная, миндаль, орехи чищенные, редька, нарезанная машинкой, плацки, редиска, отдельно рыбок на зубочистках. (Вообще все называется уменьшительно: бабичка, пивочко, склянничка, хлебичка)».

Наблюдательный Ильф не мог не заметить этой действительно прелестной чешской особенности.

Так закончилась эта единственная реальная встреча великих писателей с Прагой. А до этого были встречи... литературные и экранные.

Первая литературная встреча авторов с Прагой произошла на страницах их первого романа «Двенадцать стульев». Вспомним известный эпизод с Кисой Воробьяниновым: «После недолгих уговоров Ипполит Матвеевич повез Лизу в «Прагу», образцовую столовую МСПО – «лучшее место в Москве», как говорил ему Бендер».

Остап знал толк в ресторанах. «Прага» действительно была одним из лучших мест в Москве – еще с 1902 года, когда купец Петр Тарарыкин перепрофилировал находившийся здесь трактир с тем же названием в ресторан для состоятельной публики. «Прага» тогда быстро стала одним из центров культурной жизни Москвы – здесь устраивались ежегодные «рубинштейновские обеды» в честь основателя Московской консерватории, композитора Николая Рубинштейна. В ресторане бывали Лев Толстой, Иван Бунин,

там все писатели
на ножках
стоят,
дежурия у дверей.
Там чудеса,
там Родов бродит,
Есенин на заре сидит,
и сообща они находят
приют, и ужин, и кредит.
Там пылом выпрепленным охвачен,
грозясь Лелевичу-врагу,
пред представителем рабфачьим
Пильняк внедряется
в рагу...
Поэт, художник или трагик,
забудь о днях тяжелых бед.
У «Моссельпрома»,
в бывшей «Праге»,
тебе готовится обед.

3

Где провести сегодня вечер?
Где назначить с приятелем встречу?
Решенья вопросов
не может быть проще:
«Все дороги ведут...»
на Арбатскую площадь.
Здоровье и радость –
высшие блага –
в столовой «Моссельпрома»
(бывшая «Прага»).

Там весело, чисто,
светло, уютно,
обеда вкусны,
пиво не мутно.

Там люди
различных фронтов искусств

вдруг обнаруживают
общий вкус.

Враги
друг на друга смотрят ласково –
от Мейерхольда
до Станиславского.

Там,
если придется рядом сесть,
Маяковский Толстого
не станет есть.

А оба
заказывают бефстроганов
(не тронув Петра Семеныча Когана).
Глядя на это с усмешкой, –
и ты там
весь проникаешься аппетитом.

А видя,
как мал поразительно счет,
требуешь пищи
еще и еще.

Все, кто здоров,
весел
и ловок,
не посещают других столовок.
Черта ли с пищей
возиться дома,
если дешевле
у «Моссельпрома»...

Спасибо Владимиру Владимировичу – благодаря этим стихам-агиткам мы видим, что и после революции «Прага» была местом встреч интеллигенции. А о том, что убранство ее осталось таким же роскошным, мы можем прочесть у Ильфа и Петрова:

«Прага» поразила Лизу обилием зеркал, света и цветочных горшков. Лизе это было простительно: она никогда еще не посещала больших образцово-показательных ресторанов. Но зеркальный зал совсем неожиданно поразил и Ипполита Матве-

евича. Он отстал, забыл ресторанный уклад. Теперь ему было положительно стыдно за свои баронские сапоги с квадратными носами, штучные довоенные брюки и лунный жилет, осыпанный серебряной звездой.

Оба смутились и замерли на виду у всей довольно разношерстной публики.

– Пройдемте туда, в угол,– предложил Воробьянинов, хотя у самой эстрады, где оркестр выпивал дежурное попури из «Баядерки», были свободные столики».

В 30-е тихий прежде Арбат стал одной из главных улиц Москвы, и столовая была перепрофилирована под обслуживание сотрудников НКВД, в том числе охранников Сталина. В 1954 году после капитального ремонта с участием чешских специалистов ресторан «Прага» был вновь открыт для публики и несколько десятилетий он был одним из самых престижных ресторанов Москвы. В его девяти роскошных залах часто проводились дипломатические приемы. С распадом СССР он стал переходить из рук в руки, что неизбежно отразилось на качестве обслуживания. Работает «Прага» и сегодня – правда, в усеченном режиме.

Вторая литературная встреча с Прагой случилась у Ильфа и Петрова на страницах второго романа. Удивительное постоянство, не правда ли? Вернее, встреча эта случилась не у самих авторов двух легендарных романов, а у их... персонажа. Реального персонажа. Единственного настоящего сына лейтенанта Шмидта. Именно в Прагу попал из Галлиполи в 1921 году Евгений Петрович Шмидт-Очаковский. Ирония судьбы – единственный сын «красного адмирала» стал активным участником белого движения. Более того – крейсер «Очаков», переименованный сначала в «Кагул», а затем, в сентябре 1919-го, получивший название «Генерал Корнилов», принял перед этим самое деятельное и во многом решающее участие в высадке десанта Вооруженных сил Юга России в Одессе и освобождении города от большевиков.

А начиналось все совершенно иначе. Узнав о том, что отец возглавил восстание на мятежном «Очакове», шестнадцатилетний Евгений Шмидт немедленно прибыл на крейсер и присоединился к отцу. Когда «Очаков» был расстрелян и начал тонуть, Евгений вместе с отцом бросился за борт и спасся на миноносце № 270.

Такое единство отца и сына неудивительно – Петр Петрович Шмидт после развода с женой воспитывал сына самостоятельно и, несмотря на сложный и конфликтный характер, отцом был хорошим. Евгений был арестован, но как несовершеннолетний не был приговорен к наказанию. Уже в Праге он написал книгу воспоминаний об отце под названием «Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»)». Она вышла в 1926 году в пражском издательстве «Пламя» и была переиздана в Одессе в 2006 году. В конце одесского издания – краткая биография Евгения Шмидта (вторую половину он добавил к фамилии в 1914 году). Привожу ее с небольшими коррективами. Евгений Петрович Шмидт родился в 1889 году, с трех до пяти лет жил в Санкт-Петербурге, затем с 1894 до декабря 1898 года – во Владивостоке и в Нагасаки. В августе 1900 года Евгений Шмидт поступил в 1-й класс реального училища Святого Павла в Одессе. В 1905 году отец и сын Шмидты перебираются в Севастополь, где Евгений учится в Константиновском реальном училище. После расстрела отца жил в Одессе и Керчи, затем переехал в Санкт-Петербург, где учился в технологическом институте, но война помешала ему получить высшее образование. Евгения призывают на военную службу, он оканчивает школу прапорщиков инженерных войск и получает звание прапорщика саперных войск. В 1917 Евгений Шмидт присутствует на церемонии перезахоронения останков отца в Севастополе, затем воюет в Крыму на стороне Врангеля. После эвакуации с полуострова – обычный путь офицера-эмигранта. Галлиполи, затем Прага, где благодаря Русской акции помощи Чехословацкого правительства он смог завершить высшее образование в Высшей технической школе. Евгений Петрович Очаковский-Шмидт состоял в Галлиполийском землячестве в Праге и в Обществе русских, окончивших вузы в Чехословакии.

Как мы видим, Бендер совершенно не подготовился ко встрече с председателем арбатовского исполкома – он не только не смог назвать имени знаменитого отца, но и не догадывался о настоящем имени сына лейтенанта Шмидта и о том, что сын был с отцом на мятежном крейсере. Да и сам предисполкома не был силен в истории:

«– Скажите, а вы-то сами помните восстание на броненосце «Очаков»?»

– Смутно, смутно, – ответил посетитель. – В то героическое время я был еще крайне мал. Я был дитя.

– Простите, а как ваше имя?

– Николай... Николай Шмидт.

– А по батюшке?

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа. Нет того энтузиазма. Я, собственно, попал к вам в город совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки...

Председатель очень обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным то, что он забыл имя очаковского героя».

Да что там Бендер с председателем... Вот фрагмент из книги Евгения Шмидта, где он вспоминает дни заключения сразу после их с отцом ареста:

«Большинство офицеров было в полном походном снаряжении, а их возбужденные лица еще носили следы пережитых ночных волнений и боевого задора. Меня они совершенно не замечали, настолько не замечали, что когда, после долгих и мучительных колебаний, я попросил папиросу у одного пожилого капитана, самого добродушного на вид (мы с отцом сильно страдали из-за отсутствия табаку), он, с готовностью раскрыв портсигар, впервые обратил на меня благосклонное внимание и недоумевающе спросил, глядя на мою матросскую куртку:

– А ты, малый, как сюда попал? Ты кто?

– Я сын лейтенанта Шмидта и арестован вместе с отцом, – ответил я с гордостью.

– Что ты, голубчик, у Шмидта никогда не было детей, я его хорошо знаю, – небрежно отозвался незнакомый капитан.

Я вытаращил глаза.

– Позвольте, господин капитан, – начал я, не приходя в себя от изумления, я...

Но капитан уже не слушал меня и, повернувшись к сослуживцам, продолжал свой рассказ».

Прошло двадцать лет, и вся Россия узнала о «сыне лейтенанта Шмидта». Даже не о сыне – сыновьях. Их стало много. Слишком много. У «красного адмирала» появились даже «дочери». Все они ездили по бескрайним советским просторам и выманивали деньги

у доверчивых чиновников. Наивность некоторых бюрократов Ильф высмеивал со страниц юмористического журнала «Чудак». Например, в самом первом номере журнала за 1928 год опубликован его фельетон «Холостой мальчик», в котором рассказывается о четырнадцатилетнем аферисте, который, выдавая себя за детского корреспондента «Пионерской правды», сначала получил во ВЦИКе бесплатный проездной на трамвай, а затем в ВСНХ вообще легковой автомобиль на несколько дней – якобы для того, чтобы показать город немецким пионерам. Мальчик умудрился даже взять во ВЦИКе с неизвестного гражданина три рубля за то, что пропустил его на прием без очереди. Сразу вспоминается «реконструкция Провала» из «Двенадцати стульев». Видимо, таких случаев было в то время так много, что Ильф и Петров решили описать подобных «деятелей» в романе «Великий комбинатор», ставший впоследствии «Золотым теленком», над которым они как раз начали в то время работать.

Два вопроса, которые неизбежно возникают при погружении в эту историю, – почему Ильф и Петров выбрали в качестве персонажа именно сына, а точнее – сыновей лейтенанта Шмидта, и знал ли сам Евгений Шмидт о «сухаревакской конвенции» и Балаганове с Паниковским?

Поиски ответов на них не менее увлекательны, чем разгадка запутанной детективной истории. И вправду – как можно было насмехаться над героем революции 1905 года, имя которого вознесли на пьедестал не только победившие «красные», но вначале, после Февральской революции, Александр Керенский и адмирал Колчак, которые перенесли его останки с острова Березань в Севастополь и торжественно перезахоронили еще весной 1917 года, возложив на могильную плиту Шмидта офицерский Георгиевский крест? В советское время это могло быть попросту опасным.

Ответ прост. В советском правительстве прекрасно знали о том, что сын героя первой революции выбрал иной путь и вовсе не симпатизирует большевикам. Настолько не симпатизирует, что против них воевал. Небольшой фрагмент из книги об отце красноречиво характеризует его отношение к советской власти: «Теперь, через 20 лет после экспериментов советских извергов и голодного галлиполийского «пайка», подобное меню показалось бы мне райским блаженством, но тогда, в 1905 году, оно не могло не возмутить нас

обоих». Евгений Шмидт вспоминает тут о случае, когда им с отцом – уже арестованным – принесли вместо офицерского солдатский паек.

Белым эмигрантом стал и сводный брат лейтенанта – Владимир Петрович Шмитт – капитан 1-го ранга, гидрограф и океанограф, преподаватель Колумбийского университета. С 1925 года проживал в США и являлся активным членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

Наверное, именно по этой причине настоящее имя сына лейтенанта Шмидта не было известно в Советском Союзе. Информацию о нем просто «закрыли», а шутить о нем можно было безбоязненно.

Знал ли Евгений Очаковский-Шмидт о том, что его имя стало вдруг невиданно популярным на родине? Вполне мог знать. Безусловно, встретиться с ним в Париже Ильф и Петров никак не могли – это было слишком рискованно. Встречи с белоэмигрантами не входили в планы несколько раз побывавших в Париже соавторов. А вот прочесть роман сын лейтенанта Шмидта мог – в 1930 году он переезжает из Праги в Париж, а с мая 1931 года парижский журнал «Сатирикон», редактором и издателем которого был Михаил Корнфельд, начинает публиковать роман «Золотой теленок» – одновременно с его публикацией в советском ежесычнике «Тридцать дней». В «Сатириконе» были опубликованы первые четырнадцать глав.

Обидела ли его эта слава, или, наоборот, он обрадовался возрождению хотя бы в таком виде памяти об отце, которого горячо любил, мы уже не узнаем. Евгений Шмидт вел замкнутый образ жизни и так и не стал своим в кругу эмигрантов – для «белых» он был слишком «красным», для «красных» – слишком «белым». В Париж он перебрался именно из-за конфликтов с пражскими эмигрантскими кругами. Нуждался, брался за любую работу, жил в одиночестве. Последние годы он провел в приюте «Маленькие сестры бедных» на улице Сен-Жак. Евгений Петрович Шмидт-Очаковский умер 25 декабря 1951 года и похоронен в общей могиле. Место его захоронения неизвестно.

Две экранные встречи Ильфа, Петрова и Праги были гораздо более оптимистичными. Более того – самая первая экранизация «Двенадцати стульев» была именно чехословацко-польским проектом. Вышедший в 1933 году одноименный фильм был снят

чешским режиссером Мартином Фричем и польским режиссером Михалом Вашиньским, а роль Кисы Воробьянинова сыграл известный чешский актер, директор Театра комедии Власта Буриан. Роль Остапа Бендера (в фильме это антиквар Камил Клепка) сыграл польский актер Адольф Дымша, а весь сценарий был адаптирован под европейские реалии – чехи и поляки не поняли бы тогда, что такое экспроприация имущества. Сюжет был таким. Пражский парикмахер Фердинанд Шуплатко получает письмо, в котором сообщается, что умершая в Варшаве тетушка оставила ему огромное наследство. Он бросает все и уезжает в Польшу, по дороге истратившись в пух и прах. Но... в пустом доме он находит только двенадцать старых стульев, которые недолго думая сдает в антикварный магазин. Той же ночью Фердинанд находит записку от тетушки, в которой говорится, что сто тысяч долларов спрятаны ею в одном из стульев. Он бросается к антиквару, но уже поздно – стулья распроданы поштучно. Фердинанд рассказывает антиквару о спрятанном сокровище, они решают действовать совместно и отправляются на поиски стульев. Увы, безуспешно – главный стул попал в детский приют, и найденные в нем деньги пошли в пользу сирот как вклад анонимного жертвователя.

Ильф и Петров знали об экранизации – во время своего первого визита в Варшаву в январе 1934 года они присутствовали на показе фильма; после сеанса их неоднократно вызывали на сцену. Авторы встретились тогда с Адольфом Дымшей – он рассказал об этой встрече в своем интервью «Литературной газете» в 1960 году.

Роман «Золотой теленок» был экранизирован в Чехословакии в 1970 году – через два года после самой первой, канонической советской экранизации с Сергеем Юрским в главной роли. В чехословацком прокате фильм вышел под названием «Командовать парадом буду я», режиссером фильма стал Ярослав Мах. Действие было перенесено в шестидесятые, Остап стал шофером и сменил имя на Фолька, а Корейко получил имя Альфонс Дртилек. И хотя все герои получили чешские имена, сюжет адаптировать уже не пришлось – к тому моменту чехи на собственном опыте узнали о «прелестях» социализма.

Вообще, история экранизаций романов Ильфа и Петрова в достаточной степени курьезна. После чешско-польской экра-

низации «Двенадцати стульев» фильмы по роману были сняты в Германии (1938 (!) год), Бразилии (1957), на Кубе (1962) и только после этого в СССР (1966). Роман был экранизирован в США, Германии, Австрии и даже в Иране. «Золотой теленок» был в первый раз экранизирован в 1968 году – через тридцать семь лет после выхода романа. После СССР фильмы по роману были сняты в Чехословакии и Венгрии. Почему же быстро ставшие классическими романы были экранизированы в Советском Союзе с таким опозданием? Они ведь и сегодня кажутся многим очень «советскими» и «идеологически выдержанными». Отчего же такая задержка?

На самом деле Ильф и Петров ходили по тонкому льду.

«Ильф и Петров, два необычайно одаренных писателя, решили, что если взять в герои проходимца авантюрной складки, то что бы они ни написали о его похождениях, критиковать их с политической точки зрения все равно будет невозможно...

В итоге Ильф с Петровым, Зощенко и Олеша ухитрились опубликовать несколько безупречных по качеству литературных произведений, пользуясь этим принципом, давшим им полную независимость, поскольку их персонажи, сюжеты и темы не подлежали политической трактовке. До начала тридцатых это им сходило с рук», – сказал Владимир Набоков в 1966 году в интервью Альфреду Аппелю.

До начала тридцатых... Опубликованный в 1928 году и моментально ставший популярным роман «Двенадцать стульев» серьезная критика впервые заметила... через год. Это молчание объясняется просто – менялась политическая конъюнктура, и роман не вписывался в нее. Более того, первые рецензии в газете «Вечерняя Москва» и журнале «Книга и профсоюзы» были откровенно разгромными. Эти рецензии и молчание критиков крупных столичных литературных журналов – «Красной нови», «Октября», «Нового мира», при всем при том, что книга мгновенно разошлась на цитаты, были настолько оглушающими, что подвигли Осипа Мандельштама и Юрия Олешу заступиться за авторов. Помимо политической конъюнктуры (борьба с Троцким, Бухариным и т. д.) немалое влияние на такую странную реакцию критики оказало и увольнение со всех постов друга и покровителя авторов Владимира Нарбута – именно он был главным редактором журнала

«30 дней» и издательства «Земля и фабрика», в которых был напечатан роман. Наконец, 17 июня 1929 года в «Литературной газете» была опубликована статья Андрея Тарасенкова «Книга, о которой не пишут», которая начиналась фразой: «Коллективный роман Ильфа и Петрова, как правильно отметил Ю. Олеша в своей недавней анкете в «Вечерней Москве», незаслуженно замолчан критикой». По сути, эта статья стала официальной «справкой о благонадежности» для книги. Что сыграло свою роль в таком резком изменении отношения к роману – то, что после опального Нарбута авторы нашли себе покровителя в лице стремительно набирающего авторитет Михаила Кольцова, благожелательный отклик Бухарина, который сам вскоре попадет в опалу, очередное изменение конъюнктуры? Пожалуй, все это вместе. Но несмотря на последующие хвалебные отзывы, советские власти так и не приняли роман до конца. История его экранизаций – лишнее тому подтверждение. Похожая реакция ожидала и «Золотого тельника» – Главлит отказался печатать роман отдельной книгой, Александр Фадеев, а вслед за ним критики разгромили авторов, и лишь после вмешательства Горького и Луначарского роман удалось напечатать.

Пожалуй, именно зарубежные экранизации обоих романов поставили точку в споре о том, «советские» ли они. Именно адаптации сюжетов под реалии совершенно разных стран подтвердили, что «Двенадцать стульев» и «Золотой тельнок» – классические плутовские романы, продолжившие в XX веке многовековые традиции этого жанра.

Проходят столетия, меняется название страны и общественный строй, но Прага всегда прекрасна, а традиции ее неизменны. Я читал «Двенадцать стульев» в Одессе, в квартире на улице Ильфа и Петрова. Самое время перечитать «Золотого тельника» на улице Кременцовой в Праге, в пивоварне «У Флеку», где ужинали Ильф и Петров, и где свое собственное пиво варят вот уже пятьсот лет.

